

Глава I

Жаров Л.В.

Тищенко Е.О.

Социально-философские аспекты проблемы мужского сексуального здоровья в современной России.

Прежде всего, обозначим сущность и границы рассматриваемой проблемы, а также методологический инструментарий для её решения. То, что мужская сексуальность стала предметом общественного интереса и беспокойства в последние два десятилетия в России уже никого не удивляет, а тезис о том что «мужики куда-то подевались» стал расхожим, особенно в женской аудитории. Предпосылки этого явления следует искать еще в середине 60-х годов XX века, на что было указано выдающимся отечественным демографом Б.Ц. Урланисом в нашумевшей публикации в «Литературной газете» от 26 июля 1968 года «Берегите мужчин». Речь шла как о падении демографических показателей мужского сексуального здоровья, так и об изменениях концепции мужественности, в связи с новыми социальными реалиями. В последующие годы проблема приобретала всё более острый характер и, как известно, в 2005 году на ежегодной конференции Европейского общества репродукции человека и эмбриологии (ESHRE) в Копенгагене впервые было констатировано, что мужчины чаще женщин являются источниками бесплодия в браке, среди них отмечается «сверхсмертность», и это, во многом, связано с падением их сексуальной

активности. Правда материал касался в основном мужчин-представителей западной цивилизации, хотя, разумеется, и в российской действительности есть достаточное количество аналогичных примеров.

Возникает вопрос о масштабах явления, его границах, сущности процессов протекающих в мужской популяции, и её перспективах, особенно долгосрочных. Следует отметить, что само понятие «мужское сексуальное здоровье» является еще недостаточно устоявшимся в научной литературе и предметом дискуссии и, в тоже время, приходится поражаться колоссальному количеству мифологических построений вокруг него, равно как и политизированных страстей. Если ориентироваться на определение данное группой экспертов ВОЗ еще в 1977 году, а затем в 2002 году, то очевидно, что в нем сексуальное здоровье оценивается не только и не столько, как отсутствие патологии, но, как широкое социологическое понятие, включающая соматическое, эмоциональное, интеллектуальное и социальное благополучие в сфере сексуальности, исходя из концепции сексуальных прав человека принятой в Европе. Сама же сексуальность человека рассматривается многими отечественными и зарубежными авторами (И.С. Кон, В.В. Кришталь, Г.Б. Дерягин, Л.М. Щегков, Крукс Р., Баур К., Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р., Келли Т.Ф.) как неотъемлемая часть сущности и существования человека, как одна из мощных движущих сил его развития, определяющая качество жизни, удовлетворенность ею и возможность достижения состояния, обозначаемого термином

«счастье». Нами была предпринята попытка анализа сексуальности, как в пределах науки, так и за её пределами (в терминах «чудо, тайна и авторитет» (1,2). Была выявлена значительная подвижность и «гибкость» данного понятия, его несводимость к одной парадигме, что позволяет говорить о многообразии сексуальностей у человека. В этом смысле нам близка попытка В.В.Чугунова обосновать интердисциплинарно-метасистемную концепцию сексологии, имея ввиду ее медико-социальный аспект (3).

Еще больше проблем возникает при анализе именно мужской сексуальности, под который долгие века явно или неявно понималась вообще человеческая сексуальность, поскольку «открытие» женской сексуальности – достижение теоретической мысли XX века, что тесно связано с возникновением и эволюцией феминизма и сексизма как взаимосвязанных политических и духовно-практических учений. Теоретическое осмысление мужской сексуальности прошло несколько исторических этапов, что отражало эволюцию восприятия сущности человека (а под ним явно и имплицитно понимался мужчина) в разных философско-этических системах и учениях. Здесь можно сослаться на ставшие уже классикой работы И.С.Кона и, в частности, с его критикой гегемонной маскулинности и призывом «Берегите(сь)мальчиков!»(4).

Следует также оговорить необходимый методологический инструментарий, ибо при анализе сексуальности, как феномена человека и общества приходится сталкиваться с вековой проблемой номинализма и

реализма, что сейчас приняло форму оценок индивидуализирующих факторов в эволюции общества. Говоря более конкретно, необходимо понять каким образом сексуальная уникальность каждой личности отражает некие общесоциологические закономерности данного общества на данном этапе его развития. В этом кроется разгадка дефиниций «нормальности» и «ненормальности», болезненность восприятия которых в нашем обществе стало своеобразным национальным психозом (особенно в формах гомоистерии, педоистерии и т.п.). Неприемлемость всех форм сексуального насилия над человеком вполне понятная на эмпирическом уровне, тем не менее не снимает остроты осмысливания проблемы в теории с учетом бесконечного разнообразия сексуального опыта человека на всем протяжении его истории. Свойственно нашему менталитету шараханье от одной крайности к другой, лишней раз свидетельствует о необходимости трезвого научного анализа « что такое хорошо и что такое плохо» в сексуальности.

В этом смысле представляет интерес концепция индивидуализированного общества (5), в которой проводится мысль о росте общей неопределенности человеческого бытия в результате действий деперсонифицированных сил и тенденций, вызвавших переоценку многих традиционных ценностей. Это особенно важно для оценки меры и степени ответственности человека за деяния, которые обусловлены либо « греховностью» и испорченностью его телесной природы (в христианской

трактовке), либо наличием генетической предрасположенности к тому или иному виду сексуального поведения в научной интерпретации. В последнем случае нужно, видимо, исходить из положений современной генетики о том, что эффект влияния генов на фенотип «чрезвычайно гибок» (6) и ни о какой фатальной предопределенности речи быть не может. Тогда возникает еще одна старая как мир проблема «свободного выбора» человеком какого-то одного пути и взятия на себя всей ответственности за этот выбор, не сваливая её на общество или природу. Возможен ли такой выбор «на самом деле» или, как сказал классик, за нас уже его кто-то сделал, а мы пребываем в приятном заблуждении – один из самых острых и дискуссионных вопросов современной науки о сексуальности человека, как теоретически, так и практически.

Представляется, что методологические подходы к попытке если не решить, то хотя бы правильно поставить эти проблемы заключаются в соблюдении ряда условий. Сексуальность может быть постигнута лишь на основании идеи взаимодополнительности научного и вненаучных подходов к её характеристике. Дело в том, что хотя сексуальность трактуется привычно как биологическая основа для человеческого брака с её эротическим компонентам и любви как сферы духовной самореализации человека по отношению к Богу и любимому, но менее всего эта конструкция напоминает простую «матрешку». Здесь, скорее всего, есть свой хаос и своя же упорядоченность, в каком-то смысле напоминающая фрактальную структуру

с её принципом самоподобия. Несколько упрощая суть дела можно полагать, что и в сексе и в любви и в браке действуют общие силы и закономерности. Не вдаваясь пока в их характеристику, что увело бы нас далеко от темы, можно указать на ещё один методологический принцип – необходимость вероятностной оценки всех явлений в этой сфере и уходу от их однозначной «черно-белой» трактовки. Абсолютизация какого-либо феномена в сексуальности, объявление его и только его единственно правильным и неподлежащим пересмотру противоречит принципу историзма, без которого невозможно научное исследование.

Есть и ещё одна проблема методологического характера, связанная с новым пониманием «индивидуализирующего общества». Речь идет о личной позиции автора в такой деликатной и сугубо интимной сфере как сексуальность. Молва чаще всего «наделяет» автора всем «букетом» сексуальных практик, о которых он пишет, что своеобразно поднимает известную в искусствоведении проблему о соотношении личности автора и облика его лирического персонажа. Отсюда проистекает известная подозрительность со стороны общества, которую испытывали в жизни классики сексологического жанра (З. Фрейд, А. Кинзи, В. Райх, У. Мастерс, Д. Моррис, И. С. Кон и другие). Логика здесь такова, что от неё «перевернулся» бы в гробу Аристотель – если пишешь о чём-то, значит сам таков, это одобряешь, да ещё и «пропагандируешь» это среди других. Весьма показательна, что антисексуальная истерия по поводу носителей девиантной

сексуальности сопровождается брутальными инвективами и проклятиями, а вот призывов изучать эти явления научно, пока не отмечается. Трудно себе представить горе-микробиолога, который бы вместо изучения свойств чумного микроба ради лечения и профилактики чумы, занимался бы изрыганием проклятий в адрес этого малосимпатичного, но, увы естественного обитателя нашего мира.

Умение применять адекватно известные методологические приёмы проверяется по результатам исследования, по достижению тех или иных значимых и доказательных результатов. Сфера изучения сексуальности в этом отношении занимает некое промежуточное положение между наукой и искусством, затрагивая мораль, религию, сферу повседневной жизни и быта, а также то, что обозначается термином «духовность». Что либо доказать раз и навсегда тут решительно невозможно и все попытки найти «волшебный ключ» для вскрытия шкатулки тайн сексуальности обречены на неудачу. Поэтому, попытаемся, не претендуя на абсолютную истину в последней инстанции дать эскиз понятия «русский мужчина», а затем проследить, что же произошло с его сексуальностью за последние десятилетия.

Автор известного бестселлера «Голый мужчина» Десмонд Моррис начинает первую главу знаменательной фразой « Ни одно живое существо не оказало на жизнь на Земле столь сильного влияния, как мужчина»(7). В то же время, как ни странно, серьезных и глубоких исследований мужской сущности в аспекте проявлений сексуальности не так и много. Зато

«мужскому достоинству» посвящено немало и серьёзных и шуточных публикаций последних лет как «Пенис. История взлётов и падений Дэвида Фридмана, «Говорящий член: торжество мужского достоинства» Рихарда Херринга; нашумевший в своё время роман Альберто Моравиа «Я и Он» о диалоге мужчины со своим половым членом; «Фаллос как член общества», представляющий иллюстрированную историю фаллических культов и другие. Что же касается отечественной литературы, то кроме фундаментальных трудов ныне покойного И.С. Кона, публикаций Л. Щеглова, Г. Гачева, С. Голода и ряда других, трудно указать на исследования специфики русской мужской сексуальности, прежде всего в социально-философском аспекте. Очевидно, что само понятие «русский мужчина» нуждается в глубоком и содержательном анализе с опорой на отечественную философскую мысль, начиная с деятелей Серебряного века русской культуры до наших дней. Прежде всего, надо упомянуть распространённой в русской языке тенденции трансгрессировать понятие «мужчина» сводя его к самому сильному трёхбуквенному слову русского языка с гипостазированием последнего до придания ему самостоятельной сущности. Этот момент хорошо обыгран в русском фольклоре с его обценной лексикой, в «барковиане» и других источниках. Кстати, в изданном в 2001 году «Большом словаре мата» А. Плущер – Сарно выделил 19 значений и 23 оттенка употребления этого слова, что даёт около 400 идиом и более 1000 фразеологически связанных значений. «Великий и могучий» русский язык не

обошел и этой сфере существования русского мужчины, на что уже в наше время обращает внимание в своей публицистике В. Ерофеев, который грустно констатировал, что наш современник как мужчина начинается с утренней эрекции и ею чаще всего и заканчивается (8).

Русская история даёт нам немало поучительных примеров о роли и значении мужчины в эволюции нашего общества. Великий русский историк С. Соловьёв писал, что «Мужи или богатыри, своими подвигами начинают историю», поражая воображение современников, которые наделяли их качествами чародеев у которых «то сила по жилочкам так живчиком и переливается...». Их и считали за людей, а остальные оставались полулюдьми, маленькими людьми, мужиками.(9). Богатырский период – по замечанию С. Соловьёва, характеризовался «быстрым размножением членов Рюрикова княжеского рода (там же с.217), когда мужи кормились за счёт мужиков. Столь четкая социальная дифференциация мужского общества уже на ранних этапах и терминологически и по существу не могла не сказаться на всём последующем развитии. Проходят века и вот уже в 1916 году, почти 100 лет назад В. Розанов, один из самых оригинальных умов Серебряного века с горечью пишет: «Самец вырождается, самцы вырождаются. Вырождается мужской пол. Солнце гаснет » (10). Впрочем, о грозящем вырождении мужчин под влиянием цивилизации, когда богатыри почти исчезли, а мужики измельчали, писали еще с середины XIX века. Тема эта стала популярна в ходе дискуссий западников со славянофилами, когда появились первые

признаки, ставшие особенно наглядными в конце XIX и начале XX века. Речь идёт о явлении, характеристику которому дал А. П. Чехов: « У нас нет ни ближайших, ни отдалённых целей, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революции мы не верим, бога нет, привидений не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь»(11). Душевная пустота, утрата смысло-жизненных целей у интеллигенции, появление «полового вопроса» в публицистике и декаданса в художественной культуре – всё это сочеталось, по словам того же А. П. Чехова, с «повальным пьянством» народа, снохачеством, с проституцией в заметных масштабах и явно не способствовало укреплению потенциала духа и тела. Если с рождаемостью всё ещё обстояло хорошо и даже при высокой детской смертности население росло, то с сексуальной культурой было, увы, всё проблематично. У народа, по словам В. В. Розанова, «плотская сторона в идее вовсе отрицается, а на деле имеет скотское, свинское, абсолютно бесцветное выражение...ряд случаев самца и самки для произведения «духовных чад церкви» (12). Мужик «делал» всё не снимая сапог и без выражения малейших нежных чувств к бабе, а брак сводился по меткому замечанию выдающегося отечественного историка В. О. Ключевского к тому, что «она в нем приобретает кусок хлеба, а он в ней - кусок мяса. Едят друг друга»(13). А тут ещё, по словам Саши Черного, известного русского поэта Серебряного века: «пришла проблема Пола, Румяная фефёла, и ржёт навеселе». Пол, действительно, по словам того же В. Розанова являл собой

странное «физиолого - мистическое явление» в русской жизни, волновавшее прежде всего мужчин и некоторых особо бесстрашных женщин, которые осмеливались высказывать своё мнение по этому вопросу.

Традиционно-православный взгляд на мужчину и его качества в эту эпоху стал явно входить в противоречие с реалиями русской жизни. Выдающийся русский философ и богослов С. Булгаков подчеркивал, что только с созданием Евы закончилось сотворение человека, и в мире появился полный человек, муж и жена, стало действенным положение «И будут два одна плоть». Во время таинственного наведенного Богом сна Адама «помимо его ведома и сознания, органическим выделением его же женской сущности была создана Богом жена»(14). Отсюда вытекает целостность, целокупность и целомудрие, исключая рассмотрение «женского вопроса» отдельно от «мужского», о чем писал еще Ф. М. Достоевский; на этом же настаивал и Вл. Соловьёв в «Смысле любви». В этом смысле нынешняя сексуальность, как в мужском, так и в женском «измерении» несет на себе несмываемую печать повреждения человеческой природы, утрату той потенциальной «райской сексуальности», которая так и осталась нам неведомой, ввиду грехопадения первой пары и, как следствия, её разделения по всем параметрам.

Ещё один отечественный философ Н.О.Лосский подчеркивал то положение православия, что в Царстве Божием нет, и не может быть ни мужчин, ни женщин, ни тем более смешения мужского и женского начал ибо «такое строение было бы отвратительным увековечением

сексуальности»(15). С другой стороны, в святотеческой традиции есть положение о том, что у преображенных тел будут признаки пола, но не будет нужды в их употреблении. Стало быть, задачей русского православного мужчины было преодолеть искушение «инфернальных изгибов» женского тела как это сделал Дмитрий Карамазов, и принять всю женскую душу в свою. Но поступки героев Ф. М. Достоевского не стали правилом поведения большинства мужчин, что позволило В. Розанову горестно констатировать «Главная добродетель в мире – импотенция», а уже упомянутый В. О. Ключевский так подвёл итог эпохальным измерениям в поведении русского мужчины в конце XIX века: «Любили хорошее тело своей Оли, потому что оно Олино, ныне любят Олю, потому что у неё хорошее тело».(16)

Таким образом, можно констатировать, что ещё с XIX века наметился и углублялся разрыв между мужской репродуктивной сексуальностью гедонистическими компонентами брака, т.е. той самой «похотью», блудом входящим в число «смертных грехов». Если исполнение супружеских «обязанностей» по деторождению, по сути, и не нуждалось в похоти, хотя даже это вызывало у Л. Толстого гневные инвективы типа «обезьяньего занятия», то уж выдвижение на первый план незаконной страсти и желания влекло за собой неизбежную зависимость от зла и греха и уводит мужчину от Бога. Брак, по апостолу Павлу, нужен и для чадородия и для избегания соблазнов.

Рубеж XIX и XX веков и был тем временем, когда в русском обществе снижался авторитет православной веры и догматики в отношении пола, брака и семьи, когда русские мужчины открывали для себя всё многообразие сексуальности. Справедливости ради, надо сказать, что эти процессы имели место и ранее, прежде всего в «золотом» пушкинском веке нашей культуры. Мужчины того времени тоже не отличались особой целомудренностью; а небезызвестный А.Н. Вульф, знаток всех видов любви «от чисто физической до платонической» характеризовал А.С. Пушкина как «цинического волокиту» (17). Можно заглянуть и в XVIII век, вспомнив «екатерминских орлов» и многое другое, но суть вопроса, пожалуй, достаточно ясна. Воспитанные в лоне православия русские мужчины не были в основном богоблезненными и приверженность семейным устоям достаточно успешно «сочетали» с чувственными вольностями, в том числе и во всевозможных нетрадиционных вариантах.

В последнем случае можно сослаться на капитальный труд Л. С. Клейна (18), где приведены данные об Иване Грозном, Петре Великом, окружении А. С. Пушкина, М. Лермонтове, Н. М. Пржевальском, Н. Н. Миклухо – Маклае, П.И. Чайковском, Л. Н. Толстом, семействе Романовых и других деятелей русской истории и культуре. Этот тренд в сущности и воспроизводился в различной степени во все последующие годы, даже когда понятие Бога выступило в облике партии, строящей коммунизм. Вопреки ставшие уже сакраментальной фразе «в СССР секса нет», секс бы

практически во всех известных формах и проявлениях, но происходил скрытно, тайно, с оглядкой на власть, что заставляет вспомнить известную концепцию М.Фуко о политическом диспозитиве сексуальности. Идеалом советского мужчины был труженик и творец, горящий на работе и в общественной жизни, преданный идеалам морального кодекса строителя коммунизма, в которых не было места любви, а тем более сексуальности, а требовалось «взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей», да еще был пункт о «нравственной чистоте» без детализации этого понятия. Этот кодекс неоднократно сравнивали с Нагорной проповедью Христа, где формулируется «золотое правило» нравственности и постулируется необходимость для мужчины воздерживаться даже от взглядов на женщину с вождением, ибо этим он «уже прелюбодействует с нею в сердце своём» (Мф. 5, 28). Общая антисексуальная направленность этих духовно-нравственных систем достаточно очевидно, а имеющиеся отличия носят, скорее, внешний характер. Мужчина—прежде всего член общества и гражданин государства, труженик и созидатель, глава семьи, имеющий главное предназначение либо в спасении и достижении Царства Божия, либо в «построении земного рая», изобилия материальных и духовных благ ради всеобщего процветания. Всё остальное, связанные с личной и интимной жизнью было или «прикровенно» в православном варианте, либо имело чисто медицинский аспект помощи в случае патологии, мешающий воспроизводству. Первые робкие попытки оказания мужчине

сексологической помощи в сколь-нибудь заметных масштабах в СССР появились только в 70 годы. Публичные проявления сексуальности не допускалось, а в бытовой мужской сексуальной мифологии было принято хвастаться примерно, так как рыбаки своей добычей, даже если её и не было вовсе.

Таким образом, в течение длительного времени у мужчин нашего отечества в массовом масштабе формировалась, в сущности двойная мораль, в которой преломлялась знаменитая «широта» русской души, и её склонность к анархизму и парадоксальности. Хорошо об этом сказал отечественный мыслитель С.Л. Франк: «Мы ... не в силах ... побороть эту неукротимо-мощную животную природу нас самих ...мы ощущаем исконную слитность этой слепой страсти с высшим и глубочайшим началом нашей личности» (19). В этом, видимо, и проявляется столь характерное для русского мужчины, говоря словами Н.О. Лосского «сочетание мужественной природы с женственной мягкостью». Безудержность натуры, метания между идеалами Содомы и Мадонны (как говорил Ф.М. Достоевский), ощущение какой-то экзистенциальной бездны перед загадкой и тайной женщины- это то, что нам оставили наши предки в виде генетической памяти и культурных стереотипов. Разумеется, значительное разнообразие типов личности мужского поведения в сфере сексуальности было уделом и наших предков, что затрудняет процесс типизирования.

Теперь следует обозначить ещё одну категориальную пару – а именно пол – гендер, что в отечественной философской мысли явно или неявно обсуждалось в плане того -должно ли наличие пениса (фаллоса) уже делать человека мужчиной, задавать ему способы реализации своей мужской роли в социальной сфере? Само понятие «гендер» появилось ещё в середине XX века в работах известного американского сексолога Дж. Мани, а в 80 – 90 годы стало предметом многочисленных публикаций в отечественной психологической и социологической литературе. Немало усилий было положено на выяснение специфики гендерной роли русских мужчин и женщин в аспекте их полоролевого поведения и реализаций социальных функций, особенно с учетом культуральных и цивилизационных сдвигов последних десятилетий. Попытка анализа гендерной проблематики в философской традиции, в том числе и отечественной, была предпринята Е.И. Стебуновой (20). Ей предложено выделение 3-х типов идей в отечественной теологии пола или философии любви, одно из которых придаёт первостепенное значение «мужественности» Бога (В. Соловьёв) в сочетании с исофийностью, как женским началом; другое акцентирует страсть как основу жизни и творчества (Н. Бердяев, В. Розанов); а третье тяготеет к феминному началу, понимая под любовью, прежде всего сострадание, милосердие, жалость (П. Флоренский, С. Булгаков, И. Ильин). В отличие от западной философской мысли русская философия в основном отличает мужчину от женщины не только и не столько онтологически и

гносеологически, а скорее в духовно-практическом плане, в реализации не их узко понимаемых специфических функций, а предназначения, имеющего божественный характер. В этом смысле – главное не кто ты – мужчина или женщина, а каков ты как человек, преодолевающий гендерные стереотипы, которые, как и всё в мире изменчивы, особенно в эпоху постмодернистической парадигмы мышления и социального действия. Для традиционного, в том числе православного мировоззрения мужчина - это Богом сотворённая данность и его роли в жизни уже этим и predeterminedены. В социалистических идеалах понятие социального освобождения от гнёта капитала, как правило, ассоциировалось с сексуальным раскрепощением, обретением равенства гендерных ролей при сохранении их культурной специфики. В отечественной мысли уже были попытки обоснования таких подходов, в частности в идеях нового брака и семьи и воспитания просто «людей», а не мужчин и женщин у Н.Г. Чернышевского. Интересно отметить, что в промежутке между двумя революциями начала XX века в России общество было очень озабочено «проблемой пола», поиском новых путей преодоления кризиса в общественной жизни. Исследуя эту эпоху в данном аспекте, Лора Энгельштейн приводит интересные данные петербургского врача А. Вирениуса, озабоченного ростом половой распущенности в школьном возрасте в начале XX века. Исследуя половые органы детей, он сделал вывод, о том, что «идеальный пенис культурного человека имеет небольшие размеры, почти атрофирован, что свидетельствует

о том, что он сдерживает своё половое чувство (20). Интересно, что ответственность за сексуальное неблагополучие подростков, мастурбацию и вензаболеваемость, возлагались им на существующие уже тогда господство коммерческих отношений в сексуальности.

Что же произошло с мужской сексуальностью за последнее столетие, какие мощные природные, социально-политические и психолого-педагогические факторы способствовали кризисным явлениям в этой сфере. Интересно мнение по этому поводу одного из классиков отечественной философской мысли Г.П. Федотова. Обозревая историческую «судьбу и грехи России» он делает любопытное заключение о причинах и последствиях упадка дворянской культуры, начиная с конца XVIII века и, особенно, в пореформенное время 60-х годов XIX века. Появление разночинцев привело к «порче» искусства жизни. «В России перестают веселиться, разучиваются танцевать, забывают самое сладостное из искусств- любовь»(22). Далее он употребляет термины «апатия», «абулия», столь характерные как для особенностей социальной жизни русского мужчины, так и имеющие специфически сексологическое содержание.

Вспомним, в этой связи, А. Блока, воспевавшего «Прекрасную Даму» и женственный облик России в парадигме поведения русского человека XX века. В поэме «Возмездие» есть строки посвященные духу того времени «С тобой пришли чуме на смену; нейрастения скука сплин», когда «в сером и гнилом тумане; увяла плоть и дух погас». Практически все отечественные

классики литературы того времени так или иначе отразили процесс увядания мужской плоти и духа, утрату бодрости и желаний, «кисляйство» (по выражению А.П. Чехова). Заговорили об импотенции мужчин, появились мнения о вреде «бабства» и его пагубном влиянии на мужское достоинство, начался страстный поиск того, что отличает женщину от бабы, а мужчину от мужика. Суть отличий усматривалась в «изяществе» и «благородстве» женщины, в отличие от «лошадиного пота» бабы, которой ублажается пьяный мужик. Уже упомянутый страстный поиск гениев и титанов Серебряного века «новой чувственности», «арифметики любви» приводил к парадоксальным мнениям, что «женское» остаётся женским, пока молчит то, против чего ополчились феминистки. Начиная же само говорить о себе, превращается в «бабье»⁽²³⁾. Это высказывание З. Гиппиус, пожалуй, первого явного андрогина в русской культуре Серебряного века знаменательно потому, что акцентировало противоречия взаимодействия «мужского» и «женского» начал в мужчине и женщине с целью нахождения способов их разрешения. Не кивать на недостатки женщин как причину упадка мужских достоинств, не убегать от них, а отыскать «вечно бабье» (Н. Бердяев) в своей душе, сделать слабость своей силой-такова задача. Андрогинизм и бисексуальность любого человеческого существа, что вытекало из ставших популярными в России концепций З. Фрейда и К. Юнга, не препятствует, а способствует решению специфически «мужских» проблем, как в социальной, так и в чисто сексуальной сфере, о чём ещё пойдет речь далее.

Поэтому можно заключить, что одним из первых в отечественной мысли было осознано положение, что мужское и женское не может быть воспринято порознь, а являются собой в полном смысле слова диалектическую пару единства и борьбы противоположностей, в том числе и внутри каждого индивида. В последнем случае речь может идти о «внутренней женщине» в душе каждого гетеросексуального, а тем более бисексуального мужчины, или об аналогичном «мужчине» в женской душе, что актуализирует известную концепцию К. Юнга об архетипах «анима» и «анимуса». Этот поворот темы активно обсуждался К. Мережковским, З. Гиппиус и другими деятелями Серебряного века. В ещё более нетрадиционном понимании соотношении мужского и женского начал в человеке, они усматриваются в духовной сфере, причем задачей мужчины является нахождение в себе и обретение потенциала мужественности (24). Собственно говоря, это иными словами, борьба духа с телом во имя возвышения и духа и тела. «Мужское» и «женское» представляются особыми измерениями человеческой экзистенции, системами различных смыслов и символов, как бы «метящими» человеческое существо на различных этапах реализации его сексуального потенциала. Речь идет о становлении полового влечения, обретении вектора его ориентации, поиска соответствующего партнёра и непосредственной реализации в многообразных формах сексуального общения. Упомянутый уже классик американской сексологии Дж. Мани называл это раскладыванием «колоды» сексуальных «карт» человека, которые могут «лечь» тем или иным способом,

побуждая этим игровой азарт и жажду выигрыша. Иными словами известный тезис «шерше ля фам» может быть отнесен не только к мужчине, причиной бед которого послужила женщина, но и к самому внутреннему духовного миру, о чём писали многие гении Серебряного века, ненавидевшие «бабство» в себе. Эта идея, кстати, получила, сейчас широкое распространение в идеологии т.н. «мужского движения», подразумевающего, прежде всего борьбу с женской сущностью внутри себя и, разумеется, с женщинами вокруг. Своеобразным манифестом этого направления может быть публикация А.П. Никонова, призывающего «заколотить последний гвоздь в гроб социал-феминизма, либо социал-феминизм уничтожит цивилизацию»(25). Оказывается, именно феминистки повинны во всех бедах современного мужчины, включая специфически сексуальные проблемы и надо только в очередной раз освятить жесткий патриархат и тогда «феминистические недочеловеки уйдут сами собой к счастью мужчин, которые к этому времени запустят в массовое производство искусственную матку, либо будут халифами в домашних гаремах.

Вернемся к нынешнему состоянию мужской сексуальности в России и тем её модификациям, которые вызывают наибольшую тревогу общества. Интересно отметить эволюцию понятия «мужик» в современной речи, чаще всего озвученную как «мужЫк». Это типичный представитель мужского населения страны, по словам известного барда «яйца, табак, перегар и щетина»! Ему полагается весить более 90 кг за счет пивного живота,

увлекаться рыбалкой, охотой, авто, техникой, иметь детей и, прежде всего, сына, быть хозяином в доме с «золотыми руками» и иметь собственное мнение по любому вопросу, быть ярким болельщиком «своей» команды, а также иметь любовницу, о которой знают «друзьбаны». В сексе он презирует всё пассивное, гомо-и бисексуальное, отрицает, что смотрит порно, и выступает гарантом надежности в отношениях, требуя к себе за это непреходящего уважения и почтения. В то же время, он поневоле впадает в постоянную зависимость от работы и начальства, дачи, жены, детей, родственников и знакомых; всем почему-то обязан и должен пожизненно. Выход ищется чаще всего в единственной для «мужьика» форме легитимного общения с другими – выпивке. Отсюда проистекает то, что В. Ерофеев определил как «русская сексуальная затхлость»(26). Им же выделены ещё 2 подтипа современных русских мужчин – «мужчинка» у которого «всё маленькое, никудышнее, жиденькое, нефотогеничное» с точки зрения женщин, особенно феминистически настроенных. А другой тип – «опасный мужчина», любящий риск и экстремальный опыт, в том числе и сексуальный, что и покоряет женщин (там же, стр.177,183). В сущности, об этом же говорил и И.С. Кон в известной монографии «Мужчина в меняющемся мире» вышедший в 2009 году, где впервые была предпринята попытка, если можно так выразиться, «теоретического мужиковедения» на солидной естественнонаучной и гуманитарной основе, или говоря более научно «кризиса маскулинности» в мире и России. Два главных его

методологических тезиса: нет мужчин «вообще» как таковых с какими-то извечно от природы присущими им свойствами и нельзя прямо выводить (или сводить) личностно - индивидуальные качества либо из биологии, либо из среды обитания (27). Корень всех современных мужских проблем им усматривается в несоответствии традиционного идеала «гегемонной маскулинности» реалиям современной эпохи, в которых «виноваты» не феминистки или brutальные «мачо», а те поистине глобальные, тектонические сдвиги в мировой цивилизации, которые в корне изменили многие традиционные гендерные роли, особенно в западной цивилизации, да и в России тоже. Это, соответственно, изменяет глубинные, личностные черты мужчины, заставляет его прибегать к не вполне традиционным способам решения «мужских» проблем, искать новые способы адаптации к ситуациям, как в семье, так и в обществе. Хорошо известный в классической сексологии «принцип Адама» (Дж. Мани) или принцип «маскулинной дополнительности», состоящий в том, что для создания самца эволюция предусмотрела дополнительные усилия и воздействия по сравнению с самкой, требует ныне модификации. Отмечается многими исследователями «недомаскулинизация» самцов в природе и мужчин в обществе, связывается со многими факторами и, прежде всего, с загрязнением окружающей среды ядохимикатами, эстроген-содержащими средствами косметики и т.п. Для России это имеет особое значение в связи с явно недостаточным контролем за употреблением этих

веществ, особенно фитоэстрогенов хмеля в составе некоторых сортов пива. В этой связи, понятна роль «пивного живота» в сексуальной апатии, что сочетается с типичным для русского мужчины нежеланием заниматься своим здоровьем, пока по известной пословице не клюнет «жареный петух». Следует ещё подчеркнуть различие понятий «мужественности» и «маскулинности». При их внешнем сходстве обращает внимание акцент на душевно-духовных качествах мужчины в первом случае и на «самцовость» во втором случае.

Если попытаться выстроить некую иерархию факторов влияющих на нынешнее неудовлетворительное состояние мужской сексуальности в России, то, видимо, надо начинать с уже упомянутой экономической стагнации и сопутствующих тяжелых экономических проблем. Невозможность обретения достаточного заработка, особенно, на селе, продолжающееся ухудшение качества окружающей среды и продуктов питания вместе с алкоголизацией и наркотизацией мужчин приводят к перенапряжению адаптивных механизмов, к стрессам мужской половой и гендерной ролей. Это не может не повлечь за собой снижение сексуальной активности.

Пожалуй, одним из ярких проявлений этого процесса является рост приверженцев асексуального и антисексуального движений среди отечественных мужчин. Мы уже обращали внимание на феномен «уснувшего Эроса» в отечественной культуре (28). Речь идёт о своеобразной идеализации

асексуального способа существования мужчины, когда с «давлением» сексуальности не нужно, и бороться (как это делают аскеты), поскольку его просто не существует. Асексуал в принципе способен к половой жизни, особенно в прокреативном её варианте, но секс считается ненужной обузой, искажающей достижение подлинных духовных целей и задач жизни мужчины, да и женщины тоже являются сексуально-зависимыми и, следовательно, несвободными существами. Отсюда призывы избавиться от вековечного порабощения, постоянной «озабоченности» сексом и обрести новые горизонты духовной свободы. Судя по данным соответствующих опросов на сайтах, приверженцев этой концепции становится всё больше, они активно пропагандируют свою позицию, упрекая мужчин, погрязших в «тине» секса и попавших вследствие этого в рабство к женщине и к своей похоти. Появился даже термин «баборабы», под которым понимаются мужчины, идущие на «поводу» у своего фаллоса «юбочники», потомки Казановы или Луки Мудищева в отечественном варианте. Ещё более активны приверженцы антисексуального движения, которые трактуют сексуальность как явление противное нашим национальным традициям, как следствие грехопадения, либо влияния «растленного» Запада, стремящегося таким образом погубить цвет нашей нации. Это, как правило, приверженцы традиционных, консервативных взглядов на сущность и природу человека и его сексуальности. По нашим данным, их около 10% в изученном контингенте посетителей сексологических сайтов Интернета(29). Им

противостоят, примерно в том же количестве, сторонники либеральных ценностей, которые пытаются понять феномен асексуальности и антисексуальности в рамках известных сексологических концепций. Для большинства же участников сетевых дискуссий (около 80%) характерно неустоявшееся и неоднозначное отношение к феномену мужской отечественной сексуальности вообще и её вариациям в современности. Здесь мы встречаем смесь национальной гордости за наших могучих предков (герои русского эротического фольклора, барковианы, поэтических и прозаических откровений гениев нашей литературы) и недоумения – «куда ты удаль прежняя девалась?» (ария Грязного из оперы Римского-Корсакова «Царская невеста»). Интересно отметить, что поиск причин кризисных явлений напоминает «жалобную книгу», где виноваты все – жены, любовницы, начальство, СМИ, правительство, инородцы и иноверцы, кроме, разумеется, самих мужчин. Робкие попытки разобраться в своих внутренних проблемах упираются, как правило, в стену уже упомянутой концепции «гегемонной мужской сексуальности», либо в ленивое нежелание думать и что-то менять в своей жизни. Похоже, что для многих сейчас идеал русских сказок – сидение на печи в ожидании лягушки –царевныи скатерти самобранки стал своеобразной сексологической нормой поведения. Последнее вызывает понятный бурный протест женщин с уничижительными характеристиками «пивных брюх», которые исповедуют тезис песенки ещё одного барда «А зачем нам Машу звать, если есть, что наливать!».

Невостребованность женщин в интимном и сексуальном плане, действительно, является одним из самых тяжких психологических феноменов, о чём, как правило, мало думают мужчины. Ещё древнеиндийская эротология советовала мужчине любым путём удовлетворить женщину, даже если ему этого не хочется, а иначе он будет наказан в будущей жизни. Если этого нет, следует ждать мести со стороны женщины, своеобразного сексуального «ресентимента» в отечественной упаковке: «ну, заяц погоди!». Женщина в состоянии оскорбленности мужским невниманием являет собой один из наиболее сильных патогенных факторов для мужчины в плане его самооценки и сексуального самочувствия. В этом смысле можно понять страхи и надежды адептов грядущей «асексуальной революции, как на Западе, так и в России. Весьма примечательна и эволюция взглядов мужчин на проблему многообразия сексуального поведения и, прежде всего, гомо- и бисексуальности в современной России. Ещё в 2003 году, один из нас обратил внимание на проблему роста общественного интереса в мире и России к бисексуальному поведению особенно мужчин (30). Прошедшее десятилетие добавило не только огромное количество статистического материала по данной проблеме, но и выявило ряд интересных подходов к её трактовке.

Прежде всего, получила солидное подтверждение точка зрения, согласно которой бисексуальность, как и бигендерность являются не переходными формами, а относительно самостоятельными ориентациями

человека. Данная модификация поведения вряд ли является в высшей степени предметом подлинно свободного выбора человека, причем некоторые видят в этом феномене сексуальную спецификацию известного антропного принципа. В этом смысле человек ощущает соразмерность общечеловеческой сексуальной «Вселенной» своим собственным, сугубо индивидуальным влечением и интенциями. Таким образом, можно теоретически и практически преодолеть крайности сексуального эссенциализма, абсолютной и жесткой привязанности модели сексуального поведения к генам, гормонам и мозгу и обратиться к многообразию социокультурных его детерминант.

В значительной степени это относится и к пониманию сущности эротического и самой эротологии, в отличие от сексологии (М. Эпштейн). Бисексуальный эротизм, как уже упоминалось, может быть понят и «оправдан» в андрогинном варианте взаимодействия с собственной «иной» плотью, прообразом которой может выступать как разнополюй, так и однополюй партнер. В наибольшей степени, если речь идет о современности, этому способствует постмодернистская парадигма мышления, даже если она отчетливо не осознаётся её носителями, скажем в отечественной культуре. Размышляя о ситуациях, связанных с дискурсом любви, эроса и брака Роланд Барт заметил, что совершенной парой следует считать Ахилла и Патрокла, но «не по априорному предпочтению гомосексуализма, но потому, что в рамках однополости прочерчена разница: один (Патрокол) был любящим, другой

(Ахилл) – любимым. И так – гласит Природа, мудрость, миф – не ищите единения (амфемиксиса) вне разделения ролей, если не полов; в этом основание любовной пары (31). Любовная «изумительность», «завроженность», по его словам, способна преодолеть все перегородки пола и гендера; любят человека не за что то, а потому, что он таков, каков он есть. «Мужчина феминизируется не потому, что извращен, а по тому, что влюблен» (там же, с. 314). Эти парадигмы западного мышления могут быть адекватно поняты и при необходимости приложены к отечественным реалиям при проведении содержательного анализа, методологических и содержательных оснований отечественной эротики, прежде всего в мужском варианте. Имеющиеся разработки этой темы касаются, главным образом, женского «желания быть желанной» при анализе женского эротического дискурса в русской литературе и культуре (И. Жеребкина и другие).

Мужской эротизм, преодолевающий общепринятые границы отечественной культуры, также достаточно отражен в работах И.С. Кона, Л.С. Клейна, К.К. Ротикова, с акцентом на особенности сексуального поведения и его восприятия в русском обществе на разных этапах его развития. Специфика мужской дружбы, включая её эротический компонент, анализировалась И.С. Коном (32), однако проблему трудно считать исчерпанной, ввиду устоявшегося негативного взгляда большинства представителей мужского пола в нашей культуре к носителям многообразных проявлений мужской эротики. Как отмечал И.С. Кон в

первой отечественной монографии, посвященной мужскому телу в истории культуры, у нас в России происходит отождествление насилия с эротикой, эротика с наготой, а наготы с порнографией (33). Отсюда проистекают многочисленные предложения о введении «дресс-кода», как для мужчин, так и особенно для женщин под лозунгом ограждения подрастающего поколения от развращающего влияния телесных подробностей (т.н. «битва за штаны»). Вообще восприятие не только тела, но и телесности как системы социальных качеств тела и их знаков, читаемых как особый текст и порождающий особый дискурс, представляет собой интереснейшую сферу философского анализа. Еще в далеком 1988 году одному из нас на гребне процессов горбачевской перестройки удалось наметить некоторые контуры философского анализа человеческой телесности (34). С тех пор появились десятки работ по разным аспектам проблемы тела и телесности (И.М. Быховская, В.П. Круткин, Р.В. Маслов, В.А. Подорога, Н.Н. Визитей, Д. Михель, А.Ш. Тхостов, В.М. Розин, В.П. Зинченко, Б.Г. Акчурин) включая попытки очертить специфику русского мужского тела. Активно развивается телесно – ориентированная психотерапия (ТОП) как практика исцеления души через работу с телом, что обеспечивает возможность личностного роста и развития (В. Басков, Е.Э. Газарова). При этом подчеркивается тесная связь телесного канона в данном обществе с господствующим типом мировоззрения, включая и его альтернативные варианты. Отсюда проистекает специфика современного восприятия тела и его функции, которые зачастую уподобляются машине и

его деталям, что порождает и особую мифологию современного мужского тела. Неудивительно, что эти мифологические построения распространяются и на такую важнейшую функцию мужского тела как сексуальность. Так среди самых ходячих современных сексуальных мифов мужского населения России следует упомянуть прежде всего миф о «размере, который имеет значение» и которым, прежде всего, интересуется, особенно в случаях гомо- би- сексуальных контактов. Изучение этого вопроса увело бы нас далеко в историю, где также отечественные персонажи как граф Потёмкин «7 вершков = 31.2 см.»; Распутин «28.5 см.»; Петровский гренадёр («член голландский» = 46 см) и другие персонажи воображение современников и потомков. Нашему «обмельчавшему потомству» (как говаривала Екатерина Великая) далеко до них, равно как и до самого известного барковского персонажа с его «семивершковой елдой». Обширный материал по этому вопросу приведен в публикации (35). Для нас важно подчеркнуть необычайную живучесть этого мифа, причем и в мужском и в женском сообществах. «Достоинство мужчины» оказывается, измеряется не его материальным положением, нравственно – психологическими качествами или даже чувствами к женщине, а количеством сантиметров, которые надо ещё умело измерить, дабы другие самцы завидовали. Недаром в ходу известное выражение для обозначения мужского соперничества – «меряться пиписьками», что позволяет вспомнить знаменитый фрейдовский тезис: «Анатомия - это судьба» в нашем мужском национальном варианте. Отсюда, понятно, и часто

высказываемое опасение по поводу сравнения своего скромного необрезанного пениса с могучими обрезанными фаллосами инородцев и иноверцев, сетования на женщин, которые именно их почему-то предпочитают.

Другой миф тянется ещё, пожалуй, с начала XXвека о том, что мужчине природой дан определенный запас спермы (в просторечие «ведро на всю жизнь») и его надо умело использовать, дабы растянуть на долгие годы. Аналогия с бензобаком тут напрашивается само собой, а сам секс, по язвительному замечанию В.В. Розанова, превращается в действие при котором «буквально рассматривая жену как семяприемник, а мужа как аптекаря – производителя соответственной эссенции, без прав пользоваться чужой посудой»(36). Понятно, что в основе этого мифа также лежит механистический взгляд на сексуальность, понимание половых органов и их функций как деталей машины. В этом же ключе можно трактовать и ещё одно распространённое утверждение, что у «настоящего мужика» член должен стрелять как автомат Калашникова всегда, везде, с любой партнершей, без осечек и холостых выстрелов. Эректильная дисфункция вызывает у таких мужчин шок и депрессию, а необходимость обращаться за сексологической помощью воспринимается как жизненная катастрофа недостойная «мужика». В этом же ряду находится и специфическое хвастовство сексуальными «подвигами» с многочисленными партнершами, без сна и отдыха, теряя счёт и своим и чужим оргазмам, что приходит в явное

противоречие с многочисленными отзывами женщин о более чем скромных сексуальных способностях их мужчин. На этой почве рождается и расцветает вера в афродизиаки, как традиционные, так и нетрадиционные, всевозможные «конские возбудители», дающие «100% гарантию» успеха, независимо от возраста и состояния здоровья.

В этом смысле мужская сексуальность в современной России всё более утрачивает смысло-жизненные ориентиры и любовно-эротический компонент, превращаясь всё более и более в специфический товар в условиях нашего достаточно псевдорыночного общества. В сущности можно говорить о встроенности, включенности сексуальности в систему существующих властных отношений с их распределительным механизмом на основе поисков эквивалентного характера обмена. Мужчина «даёт» сексуальность, «беря» взамен спектр специфических товаров и услуг, осуществляя т.н. «биовласть» над женщиной или более низкоранговым однополым партнёром. Разумеется, эта схема требует наполнения конкретным материалом, в связи с чем возникает проблема типизирования мужского сексуального поведения. Есть немало разных способов типизации, исходя из разных теоретических предпосылок. Нам представляется интересным и плодотворным подход, разработанный в трудах зоолога Клайва Бромхолла на который ссылается уже упомянутый Д. Моррис. Он выделяет 4 типа мужчин – альфа тип – исповедующий гегемонную и агрессивную маскулинность; Бюротип – озабоченный сохранением и стабилизацией своего статуса и склонный к

компромиссам; Неотип – мужчина сохранивший психологические черты ребенка и очень удачно вписывающийся в семью и, наконец, - Ультратип, «застрявший» на стадии мальчишеского общения, и склонный к гомосексуальному поведению. Сама идея инфантилизации человечества, как одного из эволюционных способов адаптации к окружающей среде не нова. Одним из нас уже были проанализированы феномены неотении и педогенеза в структуре сексуальности (37). Д. Моррис полагает, что эволюция дала некий сбой, закрепив по большей части 2 типа – супермачо (альфа–самцов) и ультратипов – «вечных мальчиков». И тем и другим приходится нелегко и в собственном психосексуальном развитии и, особенно в выстраивании взаимоотношений со своим и противоположным полом. Очевидно, что первый тип тяготеет к более консервативным, традиционным взглядам на мужскую сексуальность, ища подтверждение своим амбициям в той или иной религиозной догматике с её установкой на патриархальность в семье и браке. Второй тип более склонен к исповеданию либеральных ценностей. К игровому поведению, к непредсказуемым ярким эмоциональным реакциям в общении и интимной жизни. В этом его сила и очарование, и в этом же его же и слабость, проявляющаяся в снижении социальной и психологической ответственности за свои деяния. А «золотую середину» занимают с переменным успехом представители бюротипа–любители стабильности во всем, включая сексуальность и неотипа – жизни радостные, склонные к экспериментам мужчины, удачно вписывающиеся в

«узы» брака. По известной сексологической шутке, оба этих типа всю жизнь доказывают, что они, во-первых – не женщины, во-вторых не дети и в-третьих не «голубые». Для мужчин альфа - типа такие вопросы вообще не стоят, а для ультра – мужчин нахождение в их душевной организации элементов женского, детского и гомоэротического не вызывает ни удивления, ни возмущения. Это отнюдь не означает, что такие элементы исключены из сексуальной жизни остальных трёх типов, ввиду некоторых особенностей нашего национального менталитета. Попытка дать предварительный анализ концепции андрогинизма в нашей национальной традиции (38) показала как глубину проблемы, так и её сложность для познания сущности «мужского» и «женского» на Руси. Речь идёт об особом аспекте идентичности русского человека, которая сейчас вообще стала практически и теоретически главной проблемой нашей жизни и её осознания. В одной из последних публикаций на эту тему подчеркивается, что «индентификационный хаос стал величайшим кошмаром современной России(39). Отсюда постулируется острейшая необходимость – понять кто мы?; дабы «утверждать себя в качестве русских с утра до вечера и от вечера до утра» (там же, с. 14). Последний пассаж, видимо подразумевает и утверждение в своей специфической сексуальной сущности русского мужчины. Поскольку «русскость» создается не кровью и плотью, а духом и культурой, то очевидно, что необходимо обретение во многом утраченных форм национального самосознания, восстановления культурно-

цивилизационного кода нашего национального бытия. И вот здесь встаёт проблема «мужественности» и «женственности» нашей истории и культуры, о чем ярко и страстно писал ещё 100 лет назад В. Розанов в плане осмысливания дихотомии «мужской» западной цивилизации и «женского» лица России. Очевидно, что и «мужские» и «женские» проблемы коренятся в культурно-цивилизационных особенностях национального менталитета, во «вскрытии» его глубинных пластов, которые страстно разрабатывали и осмысливали гении, и титаны отечественной социально-философской мысли. Они отнюдь не принимали за абсолютную норму, то, что сейчас именуется андроцентрическим уклоном, т.е. позицией оценки с точки зрения маскулинной онтологии, как самих женщин, так и процесс их взаимодействия с мужчинами. Речь в основном шла о взаимодополнительности, поисках внутреннего «андрогина», достраивающего мужское и женское начало до определенной цельности. На этот момент уже было обращено внимание в публикации Е.О. Тищенко (с.40) и очевидно, что этот поворот темы заслуживает углубленного исследования.

Итак, можно подвести определенные итоги исследования судеб мужской сексуальности в современной России.

Во-первых, мужская сексуальность может быть адекватно оценена только как аспект, сторона общечеловеческого сексуального потенциала который в нашу эпоху подвержен различным негативным влияниям глобального характера –экологический кризис, «болезни цивилизации»

(особенно информационные перегрузки в виртуальной реальности), новые облики мужского и женского гендера и образа жизни в связи с изменившейся ролью женщины особенно в западной цивилизации, коммерциализацией сексуальных услуг и, как следствие, острого кризиса доминирующего ранее идеала гегемонной маскулинности.

Во-вторых, выявляется известная культурно-цивилизационная специфика указанного кризиса, связанная с особенностями менталитета, исторически сложившихся стереотипов сексуального поведения русского мужчины, его облика и образа жизни, что дало возможности типизирования этой реальности и демонстрировало возможности методологии индивидуального подхода.

В-третьих, нуждаются в углубленном анализе междисциплинарными средствами проблемы «нормы», «девиации», «извращения» и другие сексологические концепты, несущие, как правило, мощный психологический «заряд» резко разделяющий мужское сообщество и вызывающие нешуточные политические страсти. В решении этих проблем нужно обратиться к нашим истокам, к отечественной социально-философской мысли, особенно Серебряного века русской культуры, которая еще 100 лет назад старалась разгадать и дать ответ на мучительные вопросы нашего национального бытия.

В-четвертых, необходима большая работа по дальнейшему анализу мужского «языка любви», мужского Эроса в современной России. Этот

аспект нашего национального бытия сейчас явно в упадке, на что обратил внимание М.Эпштейн(41). Наши мужчины всё более и более «ярятся» не в исконно русском значении этого слова пылкой страсти, мужской силы и плодородия, а в бытовой и производственной агрессии, включая аутоагрессивное поведение.

В пятых, можно высказать определенный осторожный оптимизм, относительно нашего ближайшего а, тем более, отдаленного будущего. Не перечисляя всевозможные «но» и «если», значительная часть которых плохо предсказуема научными методами, можно полагать, что наш отечественный мужчина может и должен обрести себя в такой специфической и, вместе с тем, всеобщей форме своего существования как любовь, эрос и сексуальность.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Жаров Л.В. «Сексуальность человека в пределах науки - что такое?» Гуманитарные и социальные науки 2009 №5. hses-online.
2. Жаров Л.В. «Сексуальность человека за пределами науки: чудо, тайна и авторитет. Гуманитарные и социальные науки 2010 №6. hses-online.
3. Чугунов В.В. «Обоснование интрадисциплинарной (метасистемной) концепции сексологии как модели её аутодисциплинарной идентификации. «Медицинские исследования», 2001, том 1, вып. 1., с. 54-58.
4. Кон И.С. «Мальчик-отец мужчины», М. Время 2009, с. 647.
5. Бауман З. «Индивидуализированное общество» М. 2002.

6. Докинз Р. «Расширенный фенотип: длинная рука гена» М.: Астрель:CORPUS, 2011, с. 38.
7. Моррис Д. «Голый мужчина», М.: Эксмо, 2009,с.8.
- 8.Ерофеев В.В. «Мужчины», М.: Зебра Е.,2005, с.12.
- 9.Соловьев С.М. «Чтение и рассказы по истории России», М.: Правда,1989, с.209.
- 10.Розанов В.В. «Собрание сочинений. Последние листья», М.: Республика, 2000, с. 80.
- 11.Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Письма в двенадцати томах. Том пятый, М.:Наука1977,с. 133.
- 12.Розанов В.В. «Религия и культур». Том 1,М:Правда,1990,с.340.
- 13.Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.:Мысль,1993,с.32.
- 14.Булгаков С.М. «Свет не вечерний: Созерцания и умозрения». М.: Республика,1994,с.270.
15. Лосский Н.О. «Условия абсолютного добра: Основы Этики; Характер, русского народа» М.: Политиздат,1991,с.194.
- 16.Ключевский В.О. Цит. соч., с. 50.
- 17.Щеголев П.Е. «Любовный быт пушкинской эпохи» М.:Современник,1999,с.268.

18. Клейн Л.С. «Другая сторона светила: Необычная любовь выдающихся людей». Российское созвездие-СПб.: Фолио-Пресс,2002.
- 19.Франк С.Л. «Сочинения» М.: Правда,1990,с.151.
- 20.Стебунова Е.И. «Гендерная проблематика в философской традиции» Вопросы философии 2009, № 11,с.78-90.
- 21.Энгельштейн Лора «Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIXиXXвеков» М.: ТЕРРА,1996,с.240.
- 22.Федотов Г.П. «Судьба и грехи России»,1 том, С.-Петербург: София,1991,с. 135-136.
23. Гиппиус З.Н. «Арифметика любви»(1931-1939),СПб: ООО Изд-во «Росток»,2003,с.502.
- 24.ТеунМарез «Мужское и женское. В поисках мужественности», К.: «София», М.: «Гелиос»,2001,с.25.
- 25.Никонов А.П. «Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека», М: Изд-во Энас,2005,с.252.
- 26.Ерофеев В. Цит. соч., с.128
- 27.Кон И. «Мужчина в меняющемся мире» М.: Время,2009,с.7.
- 28.Жаров Л.В. «Феномен уснувшегоэрота в современной русской культуре (асексуальность как наше будущее)» Гуманитарные и социальные науки 2011,№3; hses-online.
- 29.Жаров Л.В. Состояние мужской сексуальности в современной России. Федеральный конгресс «Сексуальное здоровье мужчины. «Текущие интересы

- науки и здравоохранения» с международным участием.26-27 октября 2013,г. Ростов-на-Дону, с. 34-35.
- 30.Жаров Л.В. «Бисексуальная революция» Ростов-н/Д: Феникс,2003-288 с.
31. Ролан Барт «Фрагменты речи влюбленного» М.: AdMarginem,1999,с. 145-146.
- 32.Кон И.С. Дружба—4-е издание,СПб: Питер,2005-330 с.
- 33.Кон И.С. «Мужское тело в истории культуры», Слово. М.2003,с. 307.
- 34.Жаров Л.В. «Человеческая телесность: философский анализ», изд-во РГУ, Ростов-н/Д, 1988-128 с.
- 35.Фаллос как член общества.- СПб: «Арка»,2004-320 с.
- 36.Розанов В.В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России. М.: Республика, 2004,с. 187.
- 37.Жаров Л.В. «Ребенок в мире Эроса», » Ростов-н/Д, изд-во СКНЦВШ АПСН, 2006,с.14-24.
- 38.Жаров Л.В. «Андрогинная идентичность русского человека: реалии и раздумья» » Ростов-н/Д,изд-во СКНЦВШ АПСН, 2010,с.52.
- 39.Козин Н.Г. «Россия. Что это? В поисках идентификационных сущностей», М.: Академический проект; Альма Матер, 2012, с. 5.
- 40.Тищенко Е.О. «Бунт тела против духа». Федеральный конгресс «Сексуальное здоровье мужчины». Текущие интересы науки и здравоохранения, с международным участием,26-27 сентября 2013,Ростов-н/Д, с.86-87.

41.ЭпштейнН.М. «Solaamore: любовь в пяти измерениях», М.:Эксмо,2011,- с. 496.